УДК 177
ББК 87.7

Андрей Евгеньевич Зимбули
доктор философских наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: zimbuli@yandex.ru

Этические основания социокультурной практики¹

В статье рассматриваются нравственно-ценностные основания социокультурной практики. С позиций высшей справедливости, культуротворчества и гуманности прежде всего значимо то, каковы позитивные результаты человеческих действий и насколько удаётся минимизировать возникающие проблемы-обиды-угрозы. Анализ проводится, исходя из обобщённой структуры: КТО, КОГО, ЗАЧЕМ, В ЧЁМ пытается убедить, КАК он это делает, НАСКОЛЬКО УСПЕШНО, и К ЧЕМУ ЭТО ПРИВОДИТ. Представляется, что именно такое взвешенное и непредвзятое сопоставление целей, результатов, цены, заплаченной за достигнутые результаты, даёт наиболее объективную оценку того, каковы результаты той или иной социокультурной практики. Именно так человечество сможет научиться всё лучше выстраивать своё будущее, не поддаваясь на манипулятивные техники псевдопророков, не покупаясь на ярлыки вечных нравственных истин. Именно так удастся строить новый мир, не разрушая пусть и несовершенные миры нынешние, не обедняя ценностной многомерности друг друга и не узурпируя права на выбор предпочитаемых культурных практик.

Ключевые слова: социокультурные практики, нравственно-ценностные основания, обоснование, справедливость, культуротворчество, гуманизм.

Andrey Evgen'evich Zimbuli
Doctor of Philosophy, Professor,
Herzen Russian State Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia), e-mail: zimbuli@yandex.ru

Ethical Bases of Sociocultural Practice

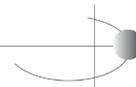
The article considers the moral and value bases of socio-cultural practices. From the positions of higher justice, culture-creation and humanity, above all the most significant are the positive results of human activities and the ways to minimize the arising problems-resentment-threat. The analysis is carried out on the basis of the generalized structure: WHO, WHOM, WHY, IN WHAT is trying to convince, HOW he does it, HOW SUCCESSFULLY, and WHAT it results in. Such a fair and unbiased comparison of purposes, results, and the price paid for the achieved results seems to give the most objective assessment of the results of socio-cultural practices. That is how humanity can learn to build its future better not yielding to the manipulative techniques of the pseudo-prophets, not succumbing to the labels of eternal moral truths. That is how it is possible to build a new world not destroying albeit imperfect worlds of the current, without impoverishing the value of multidimensionality of each other and not usurping the right to choose the preferred cultural practices.

Keywords: sociocultural practices, moral and value bases, justification, justice, culture-creation, humanism.

К социокультурным практикам, пожалуй, следует отнести такие виды осмысленной и целенаправленной социальной активности, которые, во-первых, в силу своей масштабности выходят за рамки локального события, и, во-вторых, субъектами которых выступают значительные социальные общности. В качестве показательных примеров социокультурной практики можно назвать возведение пирамид в Древнем Египте или ликвидацию безграмотности в первые годы советской вла-

сти, коллективизацию и раскулачивание, освоение целинных и залежных земель, освободительные (да и захватнические!) войны, строительство БАМа и бесконечное реформирование образования в отдельно взятой неназванной стране. То есть, социокультурная практика в данном контексте рядопологается и даже противопоставляется практике индивидуально-культурной, индивидуально-бескультурной, а также стихийным природным процессам.

¹ Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ 12-03-00411 «Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик».

С самого начала нужно заметить, что хотя люди и ставят себя привычно в оппозицию к немыслящей природе, к окружающим видам живых существ («братьям нашим меньшим»), вместе с тем было бы сильным преувеличением считать, будто культура развивается разумно, что здравомыслящие люди целенаправленно создают продуманный, научно выверенный социальный проект. Ведь, строго говоря, подлинно научная постановка дела предполагает, что наличествует несколько гипотез, между ними осуществляется выбор с последующей тщательной объективной проверкой. Однако, сколько себя помню, – газеты всегда пестрели сообщениями то об укрупнении министерств, то о химизации сельского хозяйства, то о создании совнархозов, то о замечательных успехах, достигаемых в рамках международного сотрудничества стран Совета Экономической Взаимопомощи. И нигде не писалось о том, что проводимым реформам предшествовала скрупулёзная аналитическая и экспериментальная работа. Даже кукурузу в северных регионах сеяли, насколько могу понять, не на научной основе, а, во-первых, по указующему персту Никиты Сергеевича Хрущёва и, во-вторых, по той причине, которая во все века именовалась удобничеством.

Впрочем, речь, повторим, не о науке, не о политике или экономике, даже не о логике, а о нравственных ценностях как аргументационной основе социокультурной практики. Попробуем неспешно всмотреться в обобщённую ситуацию этического обоснования. Здесь вырисовывается следующая структура: *КТО, КОГО, ЗАЧЕМ, В ЧЁМ* пытается убедить, *КАК* он это делает, *НАСКОЛЬКО УСПЕШНО*, и *К ЧЕМУ ЭТО ПРИВОДИТ*. И характерно, что за всем перечисленным стоят фундаментальные нравственные ценности. Итак, по порядку.

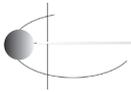
КТО

Если речь идёт о социокультурных практиках, а не о попытке мамы убаюкать ребёнка, не о возгласах зазывалы на ярмарку или о занятии рыбной ловлей, то субъектом нравственного обоснования выступают влиятельные социальные субъекты. Как правило, это люди, облечённые властью (или влиятельные оппозиционеры). Кроме того, это могут быть партийные функционеры, пророки, проповедники, работники просвещения, рекламщики, деятели СМИ, представители культуры, науки. Так или иначе, это обязательно должен быть тот, кто, обладает нравственным авторитетом. Лично я едва ли поверю, когда проповедуют люди, выглядящие как замученные

жизнью. Разве захочу идти к тем целям, которые не принесли радости даже им?! Впрочем, когда вещает сытый, холёный – ему веры ещё меньше. И ещё здесь нужно отметить вот что. Мотор не спрашивает у колёс, хотя ли они крутятся. Руль не советуется с дверцей или сиденьем, да и мать до поры до времени не интересуется мнением ребёнка, в какую пелёнку его завернуть или в какую тарелку налить суп. События последних месяцев на севере Африки как ничто явственно показали, насколько опасно для власти имущих прозевать момент, когда уже нужно переходить на другой уровень общения – от диктата или патерналистности к диалогу. В более мягкой форме та же проблема выявилась вокруг готовящегося в нашей стране закона о болельщиках, к обсуждению которого длительное время не были подключены сами болельщики. Причём, если судить по материалам СМИ, у составителей законопроекта преобладает такая логика: нужно ли к обсуждению уголовного кодекса подключать уголовников? Нужно ли в дискуссию о законе против коррупции включать коррупционеров? Такая логика лично мне представляется нравственно ущербной, недальновидной. Разве можно равнять коррупционеров, уголовников и зрителей спортивных состязаний! Даже если исходить исключительно из законов рынка, то сам смысл футбольных, хоккейных и им подобных баталий никак не может быть сведён к противостоянию команд, но предполагает очное или заочное присутствие наблюдателей-потребителей, у которых, конечно же, должны быть законом предусмотренные права.

КОГО

Адресат этического обоснования социокультурных практик – так называемый внешне субъект, представитель социальной группы. Избиратель, массовый покупатель, исполнитель законов, призывник или абитуриент. Тот, кто внимлет доводам разума и совести, кого можно разжалобить или вдохновить рассказом о светлом будущем, кого можно не только встревожить, но и вогнать в краску. Он может и сомневаться, не верить тем, кто его пытается в чём бы то ни было убедить. Он может разочароваться в услугах торговой точки и устать от обещаний власти. Он может быть верующим и неверующим, лидером и аутсайдером, смелым и нерешительным, общительным и замкнутым – и для каждого случая требуются свои аргументы. Вероятно, потому-то, в числе прочего, и рухнула в одночасье советская система, что в числе аргументов, использовавшихся для

обоснования социокультурных практик того времени, преобладали не что иное, как подборка цитат из трудов классиков марксизма-ленинизма плюс выдержек из директивных документов ЦК КПСС. Интересно, хоть для кого-то эти аргументы были весомыми, кроме как для самих авторов дежурных передовиц и праздничных ура-патриотических докладов? Возможно, я заблуждаюсь, но мне представляется, что какая-нибудь нищенка или гадалка больше понимают в психологии рядового человека – они умеют и разжалобить, и припугнуть, а кого-то берут настырностью. То есть, сухими словами это можно обозначить как владение дифференцированным подходом к адресату. Мы подходим к вопросу о целях этического обоснования.

ЗАЧЕМ

Целей у социокультурных практик может быть великое множество. Одних объединяющих кличей не перечислить: «За Русь-матушку!», «За веру, царя и Отечество!», «За Родину, за Сталина!», «Вперёд, к победе коммунизма!», «Аллах Акбар!», «Россия, вперёд!» и тому подобное. Сущностная особенность тут заключается в том, что эти цели в любом случае должны быть масштабными, и выглядеть они призваны как можно более заманчивыми для тех общностей, которые вовлекаются в активность. Очевидно, можно вести речь о подлинных целях (реально желанных для субъектов нравственного убеждения) и декларативных, внешне формулируемых перед объектами убеждения. Обоснование, стало быть, должно обслуживать цели социокультурной практики. Поднимать народ на мирный труд, на ратные подвиги, на революционную борьбу, готовить к стихийным бедствиям или усаживать за школьные парты. Своим студентам, бывает, честно говорю, что древнеиудейского пророка Моисея вместе с его старшим братом Аароном воспринимаю как авторов гениального социального проекта. Вполне разумно предполагать, что эти два мудрых иудея задумали объединить и облагородить своих соплеменников. В самом деле, как бы убедительно и доходчиво ни звучали законы, но если они исходят из уст соседа, далеко не все всерьёз будут этим законам следовать. А Моисей с Аароном обнародовали текст скрижалей от имени Господа, в итоге им удалось объединить народ и придать ему мощный культурный импульс на много-много веков. Столь же очевидно, что цели социокультурной практики, и соответственно её обоснования, вполне могут быть деструктивными или не слишком благород-

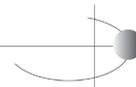
ными. Достаточно вспомнить подождённый гитлеровцами Рейхстаг. Или захваченную, но не взятую в смутном 1993-м году Останкинскую башню.

В ЧЁМ

пытаются убедить кого-то. Этическая аргументация нацеливается на обоснование того, что происходящее – если это выгодно аргументатору – справедливо. Или, если он заинтересован в изменении status quo, – что положение дел следует решительно менять. Обоснование подкрепляет уверенность адресата в том, что его зовут участвовать в правом деле. В возвращении гроба Господня от неверных, в свержении кровопийцы-царя, в отпоре вероломным иноземным захватчикам, в дружном посещении выборов. Есть очень тонкий момент: соотношение интересов разных социальных групп, или же интересов части и целого. Этическое обоснование, когда оно эффективно, заставляет адресата уверовать в том, что он действует в правых целях и защищает, прежде всего, свои прямые интересы. Видимо, и вправду есть немало ситуаций, в которых часть законно берёт на себя представительство интересов целого. И в этом случае рассуждения о якобы попираемых правах меньшинства остаются рассуждениями «в пользу бедных». Скажем, клептомана лучше не защищать, а обезопасить: не искушать его, не давать ему воли в присваивании чужих вещей. Столь же верным представляется рассуждение Сильвестра о нерадивом слуге, которого, раз он не поддаётся ни перевоспитанию, ни уговорам, следует прогнать со двора, дабы он остальных не сбил с толку: «А кто глуп и груб, и вороват, и ленив, и ни на что не годится, ни поучений, ни ударов не воспринимает – того, накормив, со двора прогнать: тогда и другие, на такого дурака глядя, не испортятся!» [3, с. 260]. С этой точки зрения интересы стада важнее интересов одной паршивой овцы. Другое дело, что в наши дни вряд ли можно довольствоваться «удалением нерадивого со двора». Требуется целостная система превентивных мер, а там где их недостаточно – дополнять их пенитенциарными усилиями. С другой стороны, всегда есть риск, что обоснование может оказаться демагогическим прикрытием для узких интересов кучки людей, дорвавшихся до власти и народных богатств.

КАК ЭТО ПРОИСХОДИТ

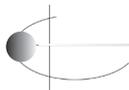
По этому поводу можно рассуждать долго, и с самыми живыми примерами. Начиная с того, что виды этического обоснования можно классифицировать многообразными спосо-

бами. Например, обоснования бывают логическими, ценностными, через пример. Или – доказательствами и опровержениями. Или – основанными на страхе, стыде, совести. Или – на своём интересе и интересе ближнего. На уважении к прошлому и призывах к будущему. Да и в рамках отдельных разновидностей опять-таки существуют подвиды: скажем, через естественные ценности (удовольствие, пользу, счастье) и через высшие ценности (Бог, общество, нация, государство, партия, прогресс, светлое будущее). Обоснование через ценности особенно точно описывает Л. В. Максимов в своём фундаментальном исследовании «Проблема обоснования морали: Логико-когнитивные аспекты» [4, с. 7 и др]. Есть обоснование-доказательство, -свидетельство, -откровение, -опыт. Когда по каналам СМИ прошла информация о том, будто убитый американцами Бен Ладен страдал нарциссизмом (и в подтверждение этой версии сообщалось: найдены видеозаписи того, как Бен Ладен смотрит свои телеобращения. (Надеюсь, никто не заподозрит меня в симпатиях к Бену Ладену, если я замечу, что с таким же успехом можно было бы заявлять, будто, призывая студентов вычитывать тексты курсовых, перед тем, как отдавать их на рецензию, я толкаю их к нарциссизму). В этой версии можно видеть почерк тех же сил, которые были заинтересованы в том, чтобы все беды-напасти свалить на «главного мирового террориста». Обоснование «временных» трудностей и необходимости для населения подтянуть пояса можно подкреплять утверждениями о том, что в прежние времена было хуже (всегда можно отыскать более трудные времена!), соседи живут беднее нашего, терпеть осталось недолго, на небесах наиболее терпеливых ждут награды. Часто используются варианты обоснования долгом, ответственностью, причастностью, достоинством. Так, и политика, и реклама очень часто прибегают к доводу «ты достоин», который в обиходе уже у детей может звучать в редакции «а слабо тебе!». В сущности, когда при Н. С. Хрущёве Советская страна тужилась догнать и перегнать Америку – имела место та же самая ситуация, которая свойственна спору двух карпузов, кто сильнее (ловчей, громче, больше чего-нибудь съест и т. д.). Кстати, интересно, что уже в Десятословии Моисея использовался целый арсенал способов этического обоснования. Там были и суровые угрозы, и посулы награды, и просто приказы. Отдельных сюжетов заслуживают виды обоснования зла, а также обоснование сущего. Оруэлл в своей

саркастической фантазии на темы тоталитаризма «1984» изобразил то, как факты прошлого подгоняются под требования каждого отдельно взятого дня. Понятно, что когда газеты заново перепечатываются, а история переписывается, то фактически имеет место не обоснование, а подгонка. К сожалению, мрачная фантазия литератора не так уж далека от действительности, как порой хотелось бы. По рассказам знающих людей, в мемуарах Г. К. Жукова, неоднократно перепечатываемых, раз за разом происходила перекройка и переакцентировка. Подобным образом можно было бы стрелять в заданном направлении, и мишень подрисовывать уже позже – вокруг точки, в которую угодил. Что же касается обоснования зла, то этому занятию долгие века предавались многие тонкие специалисты, и любителю здесь лучше всего вообще воздержаться от комментариев. Могу только два-три суждения привести из этого ряда: Боль, бедствия – наказания за грехи. Или же – испытания, насылаемые для закалки. И ведь логически эти суждения совершенно безупречны! Попробуйте опровергнуть размышления Николая Сербского, изложенные им в книге «Слово о Законе (Номология)» [7]. Коротко говоря, они сводятся к тому, что в природе существует только порядок и очерёдность. Закон же может быть дарован лишь существам разумным, и он им дан в виде Моисеевых + Христовых заповедей. И именно там, где люди грешат, случаются смерчи, землетрясения, лесные пожары и войны.

Интереснейший вопрос поднимает Б. В. Марков в своей монографии «Знаки бытия». Не способствует ли роман «Преступление и наказание» появлению новых Раскольниковых? Ведь Достоевский «не увлекается прямым нравственным осуждением своего героя. И всё-таки, – справедливо полагает Б. В. Марков, – читатели согласны с тем, что в чём-то, возможно, своей тональностью, энергетикой эстетических образов, роман не только не вызывает желания кого-то убить, но, напротив, сильнейшим образом отвращает от этого. Художественный язык обладает собственной внутренней энергией, и слово в романе является не столько носителем информации, сколько речевым действием» [5, с. 25]. Между прочим, вполне тривиальна мысль о том, что обоснование Моисеевых заповедей зиждется на страхе, тогда как Нагорная проповедь или, скажем, текст «Домостроя» подкрепляют не только и не столько страх, но и стыд, совесть, надежда, смысл, достоинство, цель личного и совместного

с единоверцами спасения. «Долог путь поучений, краток и успешен путь примеров» [1, с. 416], – мудро подмечал Сенека. Впрочем, он же отмечал, что поступки и наставления отнюдь не пребывают в однозначном соответствии. Я, дескать, призываю жить не так, как я живу, а как следует. Ведь сам-то я слаб [9, с. 517].

По поводу доказательства делом – ещё пара примеров. Один – литературный. Мы помним, как Алёша Карамазов не стал ничего доказывать брату Ивану, а просто подошёл и поцеловал его. Второй пример – исторический. Или, если угодно, историко-философский. В. А. Петрицкий, большой знаток творчества Альберта Швейцера (и, кстати, состоявший со знаменитым гуманистом в переписке) с полным основанием озаглавил своё послесловие к книге Пауля Фрайера о Швейцере словами «Жизнь – аргумент» [6, с. 200–223]. Швейцер действительно был человеком, который последовательно и упорно воплощал в своей жизни принципы, отстаиваемые в философско-теоретических работах. Но чтобы не придавать тексту слишком пафосный вид, приведу любопытный рассказ о знаменитом французском математике Жозефе Луи Лагранже. Математику долго не удавалось объяснить доказательство какой-то теоремы своему ученику-аристократу. Наконец, не выдержав, он дал ученику честное слово дворянина, что теорема верна. И ученик обрадованно воскликнул: «Спасибо! Я знаю, что Вы порядочный человек, и мне вполне достаточно Вашего слова». Мне любопытно в этой связи, много ли отыщется обычных современных людей, которые с благодарностью заявят нечто подобное кому-нибудь из наших политиков? Ведь общеизвестно, что один из совсем недавних высоких руководителей, дав серьёзное обещание, поручился, что в случае невыполнения ляжет на рельсы. Так не лёг же, и ещё долго жил. Про технику манипулирования общественным мнением уже пишутся тома, а делается в этой области ещё больше. Боюсь, что заслон манипулятивным технологиям появится не скоро. Но – обязательно должен появиться. Поскольку очевидно, что вреда тут для культуры и индивида заведомо больше, чем в никотине или алкоголе. И опасность куда выше, чем от трамвая или газовой плиты.

НАСКОЛЬКО УСПЕШНО

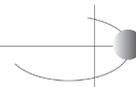
осуществляется обоснование – это можно видеть по тому, какие в каждом отдельном случае складываются взаимоотношения между субъектом и адресатом. Многотысяч-

ные манифестации, привычные в своё время для гитлеровской Германии, – яркий пример *успешности* геббельсовской пропагандистской машины. Или ещё пример: Ирак времён Саддама Хусейна. Кто в те времена смотрел теленовости, наверняка помнит, какова была статистика единоподушных выборов при его президентстве. По-моему, ниже 98–99 % не опускалась. А как только свергли его американцы – тут же в теленовостях стали демонстрировать ликующих иракцев, пляшущих на осколках многометровой статуи недавнего лидера. Вспоминается то, что рассказывают об отношении древних афинян к Деметрию Фалерскому. У Диогена Лаэртского сообщается на этот счёт: «он достиг власти над Афинским государством на целые десять лет, в честь его были воздвигнуты 360 медных статуй, по большей части представляющих его верхом или на колеснице <...>, таково было к нему рвение». А полустраницей ниже пишется: «все те статуи были низвергнуты, иные проданы, иные потоплены, а иные (рассказывают и так) перекованы в ночные горшки; только одна уцелела на акрополе» [2, с. 227–228]. «*Sic transit gloria mundi*»...

К ЧЕМУ ЭТО ПРИВОДИТ

Здесь хотелось бы особо подчеркнуть вот что. В оценке результата как нигде противопоставлена скоропалительность. Именно этому учат, с одной стороны, Пиррова победа (как известно, равноценна поражению), а с другой – поражение сербов в Косовской битве XIV века (послужившее мощным стимулом к сохранению христианской веры для народа, проигравшего в сражении [8]). Откровенно говоря, малопривлекательно думать о том, что великая Победа в Отечественной войне обернулась спустя полвека поражением в соревновании государственных систем. Что в наши дни немногие доживающие свой век победители нередко буквально бедствуют, мыкаются, т. е., живут, к нашему стыду, куда неустроенней тех, кто в своё время потерпел поражение.

Для объективной оценки того, каковы результаты той или иной социокультурной практики, нужна тончайшая диагностика, предусматривающая взвешенное и непредвзятое сопоставление целей, результатов, цены, заплаченной за достигнутые результаты. И сами результаты нужно рассматривать как можно объективней и всесторонней, учитывая жизненные интересы всех без изъятия субъектов, вовлечённых во взаимодействие. Подобная диагностика должна включать в себя не только и не столько экономические соображения, не сухую статистику, но прежде

всего, должна основываться на жизненных ценностях живых людей – думающих, страдающих, мечтающих, ищущих, имеющих право на ошибки и заблуждения.

Лишь в области точных наук и в сферах, где имеют место количество неживой материи, отношение целого и части может быть охарактеризовано с математической однозначностью: целое больше части, целое ценней части, большее перевешивает меньшее. В вопросах гуманитарных, в мире межсубъектных отношений всё куда сложнее и противоречивей. Правда не гарантируется большинством: «Одобрение толпы – доказательство полной несостоятельности», – подмечал Сенека [9, с. 510]. И он не был одинок в своём убеждении. С прямоотой, свойственной древним, греческий мудрец Биант провозглашал: «Большинство людей дурны» [10, с. 93]. И ведь, в сущности, они правы. Никакой гений не в состоянии разбираться во всех жизненно важных обстоятельствах. Вопрос лишь в том, какими должны быть оправдываемые культурой процедуры распределения компетентностных полномочий, как должно осуществляться взаимное подстраивание непохожих групп и индивидов в едином общечеловеческом пространстве.

Социокультурные практики приходят и уходят, соревнуются, побеждают и забываются. Какими бы неожиданными трагикомическими или фарсовыми страницами ни была под-

час наполнена человеческая история, едят её живые люди, а не инопланетяне. Причём в значительной степени важнейшие события оказываются обусловлены именно коллективными действиями, которые всегда порождены взаимным эмоциональным заражением участников и единодушием их целей. А раз так – очевидна роль нравственного убеждения, ведь действуют-то люди в рамках социокультурных практик, в подавляющем большинстве своём уверенные в собственной правоте. Уверенные, что ищут и утверждают социальную справедливость, устраняют зло.

Пожалуй, с позиций высшей справедливости, культуротворчества и гуманности не столь важно то, во имя чего для осуществления тех или иных масштабных в исторической перспективе дел объединяются люди. Прежде всего, значимо то, каковы позитивные результаты их действий и насколько им удаётся минимизировать возникающие проблемы-обиды-угрозы. Очень хотелось бы надеяться, что человечество будет учиться всё лучше выстраивать своё будущее, не поддаваясь на манипулятивные техники псевдопророков, не покупаясь на ярлыки вечных нравственных истин. Что нам удастся строить новый мир, не разрушая пусть и несовершенные миры нынешние, не обедняя ценностной многомерности друг друга и не узурпируя права на выбор предпочитаемых культурных практик.

Список литературы

1. Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. М.: Русский язык, 1982. 959 с.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 620 с.
3. Домострой. СПб.: Наука, 2000. 400 с.
4. Максимов Л. В. Проблема обоснования морали: логико-когнитивные аспекты. М.: Филос. общество СССР, 1991. 136с.
5. Марков Б. В. Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001. 566 с.
6. Петрицкий В. А. Жизнь – аргумент // Фрайер П. Г. Альберт Швейцер. Картина жизни. М.: Наука, 1984. С. 200–223.
7. Святитель Николай Сербский. Слово о Законе (Номология). М.: Изд-во Братства святителя Алексия; Феофания, 2005. 124 с.
8. Святитель Николай Сербский. Царев завет. Псков: Иоанно-Богословский Савво-Крыпецкий монастырь. 126 с.
9. Сенека. О блаженной жизни // Антология мировой философии. Т. 1. М.: Мысль, 1969. С. 509–519.
10. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. 576 с.

References

1. Babichev N. T., Borovsky Ya. M. Slovar latinskikh krylytykh slov. M.: Russky yazyk, 1982. 959 s.
2. Diogen Laertsky. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov. M.: Mysl, 1979. 620 s.
3. Domostroy. SPb.: Nauka, 2000. 400 s.
4. Maksimov L. V. Problema obosnovaniya morali: Logiko-kognitivnye aspekty. M.: Filos. obshchestvo SSSR, 1991. 136s.
5. Markov B. V. Znaki bytiya. SPb.: Nauka, 2001. 566 s.
6. Petritsky V. A. Zhizn – argument // Frayer P. G. Albert Shveytser. Kartina zhizni. M.: Nauka, 1984. S. 200–223.
7. Svyatitel Nikolay Serbsky. Slovo o Zakone (Nomologiya). M.: Izd-vo Bratstva svyatitelya Aleksiya; Feofaniya, 2005. 124 s.
8. Svyatitel Nikolay Serbsky. Tsarev zavet. Pskov: Ioanno-Bogoslovsky Savvo-Krypetsky monastyr. 126 s.
9. Seneka. O blazhennoy zhizni // Antologiya mirovoy filosofii. T. 1. M.: Mysl, 1969. S. 509–519.
10. Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. M.: Nauka, 1989. 576 s.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2012 г.